

Этика вне морали: современный немецкий гуманизм*

Е. И. Коростиченко

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12

Для цитирования: Коростиченко Е. И. Этика вне морали: современный немецкий гуманизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 607–622. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.403>

В статье критически осмысливается этический компонент концепции эволюционного гуманизма, получившей новое прочтение в работах современного немецкого философа и критика религии Михаэля Шмидта-Саломона. Привлекая результаты современных исследований биологических наук, он дает собственную трактовку социально-биологическому смыслу альтруизма и эгоизма в формировании человеческой этики. Обращаясь к философскому наследию, он находит подтверждение своей теории в этике Эпикура, который обнаруживает в природе человека связь альтруизма и эгоизма, и видит в последнем корни альтруистического поведения. Развивая идею о просвещенном гуманизме, Шмидт-Саломон представляет собственную альтернативу десяти библейским заповедям в форме рекомендательных предписаний человеку для счастливой жизни. В его концепции также можно найти собственное понимание категорического императива. Он представляет собой в несколько измененной форме принцип марксистского гуманизма: «низвергнуть все отношения, в которых человек представляет как униженное, пораженное, покинутое, одинокое существо». Особое внимание в статье уделено авторскому подходу размежевания морали и этики. Декларируемая этика эволюционного гуманизма не основывается на каких-либо нормах поведения. Она рассматривает лишь случаи, когда возникает конфликт интересов двух и большего количества индивидов, и имеет своей целью «справедливое» разрешение таких конфликтов. Шмидт-Саломон постулирует ненужность морали при подобном построении этики. Как некоторые следствия из этого приводятся право человека на самоопределение, сходные права животных. Также рассматривается критика Шмидта-Саломона в отношении религиозной этики. Отмечена значительная противоречивость этической концепции эволюционного гуманизма. Так, показано, что помимо утилитаристской этики, ограничивающейся конфликтами интересов, она включает в себя и вполне деонтологические утверждения, и развернутую этику добродетели.

Ключевые слова: атеизм, гуманизм, эволюционный гуманизм, Михаэль Шмидт-Саломон, Эпикур, этика, мораль, альтруизм, эгоизм, эволюционная этика.

Введение. Краткое описание концепции эволюционного гуманизма

Михаэль Шмидт-Саломон — современный немецкий философ, автор многочисленных статей и книг, посвященных проблемам мировоззрения, в том числе религии и веры. Будучи председателем антирелигиозного Фонда Джордано Бруно (Giordano Bruno Stiftung, GBS) и главным его спикером, он нередко выступает с за-

* Исследование выполнено за счет гранта, поддержанного Министерством образования и науки совместно с Советом по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-4357.2021.2, «На пути к диалогу: дискуссии о религии и церкви в секулярном публичном пространстве»), 2021–2023.

щитой нерелигиозного мировоззрения и отстаивает идеи эволюционного гуманизма на радио и телевизионных программах. С подачи СМИ прозванный «главным атеистом Германии» («Chef-Atheist»), в рамках своей концепции эволюционного гуманизма¹ Шмидт-Саломон предлагает оригинальную концепцию этики.

Фонд Джордано Бруно, возглавляемый Шмидтом-Саломоном, является одной из самых активных в Германии организаций, занимающихся вопросами мировоззрения. На его счету немало общественных проектов, в основном направленных против влияния религии и на популяризацию светского мировоззрения. Пожалуй, самым известным за пределами Германии было немецкое продолжение «Атеистической автобусной кампании», начатой в Великобритании и поддержанной Ричардом Докинзом. Однако следует также упомянуть кампанию против дискриминации атеистов на рабочих местах (GERDiA), образование и поддержание Центрального совета бывших мусульман (Zentralrat der Ex-Muslime und sonstiger nichtreligiöser Menschen e. V.), кампании за преподавание светского мировоззрения в школах, в защиту права на эвтаназию, а также участие в финансировании Исследовательской группы по мировоззрению (FOWID) и организации по атеистической помощи беженцам (Säkulare Refugee Aid e. V.). Фонд вел активную деятельность задолго до подъема «нового атеизма» в Великобритании и Соединенных Штатах. Вся эта деятельность в той или иной степени опирается на концепцию эволюционного гуманизма.

Михаэль Шмидт-Саломон постулирует принципиально практическую направленность своей концепции, с прицелом на постепенное переустройство общества и мировоззрения людей. Поэтому предлагаемый им эволюционный гуманизм заслуживает внимательного научного рассмотрения, хотя бы потому что в Германии концепцию активно популяризируют, обсуждают и пытаются претворить в жизнь.

Исторически первой работой, комплексно описывающей концепцию эволюционного гуманизма, был «Манифест эволюционного гуманизма» [2], увидевший свет в 2005 г. Изначально текст был написан для внутреннего пользования Фондом Джордано Бруно и должен был отражать мировоззренческие основания организации. Однако книга практически сразу вышла за пределы узкого круга сторонников эволюционного гуманизма и стала одной из самых популярных работ по гуманизму в немецкоязычном пространстве. В своих дальнейших сочинениях Шмидт-Саломон переработал отдельные части «Манифеста», дополнил их, создав связанную структуру своей концепции [3–7].

Ключевыми тезисами Михаэля Шмидта-Саломона следует назвать:

- концепцию «естественного гуманизма». Михаэль Шмидт-Саломон называет эгоизм естественной движущей силой большинства человеческих действий и призывает использовать его в структуре человеческих отношений. С этим также связано постулирование «разумного гедонизма» как естественной и правильной формы самоощущения. Также признание «естественного эгоизма» используется, чтобы обосновать категорический императив эволюционного гуманизма — стремление к идеалу уменьшения страданий в мире;
- концепцию «нового гуманизма». Шмидт-Саломон его понимает как светскую альтернативу религии, мировоззрение без пророков и священников,

¹ См. подробнее: [1].

систему ценностей, основанную на естествознании. Однако такой новый гуманизм «не должен оставаться просто теорией, он должен стать практическим». Речь идет о детских садах и новом гуманистическом образовании. Шмидт-Саломон также видит возможности применить новый гуманизм в бизнесе и в местах заключения;

- концепцию «ведущей культуры», *Leitkultur*. Шмидт-Саломон говорит о существовании в неявном виде различных «ведущих культур», в том числе христианской и гуманистической. Он полагает, что для устойчивого развития общества официальной *Leitkultur* нужна светская культура «гуманизма и Просвещения». Эта доминирующая культура не имеет, по мнению автора, ни национальной, ни религиозной формы, но имеет международное признание и по своей сути является светской ориентацией (без недопустимого ограничения религиозной свободы). Преимущества этой культуры, согласно Шмидту-Саломону, несомненны: с одной стороны, она оказывает людям поддержку в поиске смысла жизни, с другой, она достаточно открыта, чтобы не ограничивать самостоятельность людей;
- концепцию космической религиозности: «чувство и вкус бесконечности». Несмотря на открытую критику религии, Шмидт-Саломон признает человеческое стремление к духовности. Он не возражает против религиозности в понимании Фридриха Шлейермахера, однако пишет, что сегодня это чувство «подпитывается наукой и философией» гораздо сильнее, чем традиционными религиями;
- утверждение о принципиальном релятивизме понятий добра, зла и других моральных понятий. Шмидт-Саломон считает, что введение подобных категорий привносит больше деструктивного, чем конструктивного в человеческие отношения. Он предлагает отойти от абсолютизации добра и зла;
- утверждение об ограничении свободы воли. Он убежден, что причина склонности к морализаторству кроется в глубоко укоренившейся идее о том, что мы всегда имеем свободу собственного выбора. Шмидт-Саломон считает это основной предпосылкой морального осуждения и полагает ее научно не обоснованной. На его взгляд, понимание ограничений свободы выбора помогает быть менее строгим по отношению к себе и другим, что «сделает человека более расслабленным».

Научно-методологические основания концепции.

Эгоизм и альтруизм

С точки зрения концепции эволюционного гуманизма жизнь можно определить как процесс самоорганизации, основанный на принципах эгоизма. Принцип эгоизма объявляется базовым принципом жизни человека. Он имеет адаптивное значение, поскольку способствует сохранению генофонда. Полагая, что эгоизм является основным источником человеческих ощущений и решений, Шмидт-Саломон, прямо ссылаясь на современные результаты в области биологических наук², считает, что от-

² Интерес к теоретическому изучению эгоизма и альтруизма стал смещаться в область естествознания из области философии в начале XX в., когда начал зарождаться новый комплекс биологических наук (нейропсихология, этология, зоопсихология, психогенетика), см.: [8]. А. В. Марков

каз от него как «сомнительного с точки зрения морали» рудимента эволюции необоснован. Он предлагает, наоборот, открыто учитывать и использовать его в этических, социальных и политических концепциях. Идеи, которые идут вразрез с эгоистическими интересами людей, на его взгляд, никогда не смогут преобладать, так как человек с самого своего рождения наделен глубоко внедренной склонностью увеличивать свои удовольствия и минимизировать свои страдания. Сходным образом Эпикур утверждал, что человеческое поведение, мотивированное только удовольствием, можно пронаблюдать уже на этапе младенчества. Эпикурец Козимо Раймонди в XV в. таким образом изложил эту мысль: «...сама природа заложила в человеке стремление к наслаждению» (цит. по: [10]).

Однако не только чистый эгоизм заложен в человеке как адаптивный инструмент для выживания. Шмидт-Саломон, как и Эпикур, обращает внимание на то, что эгоизм порождает и множество альтруистических кооперативных стратегий среди животных, живущих группами. Эта идея имеет свое развитие в философской традиции. В частности, в своей книге «Культура и этика» А. Швейцер обращает внимание на то, что «наиболее целеустремленную попытку вывести психологически преданность благу других из эгоизма предпринимают Давид Гартли (1705–1757) и Поль Анри Гольбах (1723–1789)» [11, с. 160]. Позднее у философов-утилитаристов находит подтверждение мысль, что «альтруизм каким-то образом внутренне присущ человеческой природе наряду с эгоизмом... рядом с эгоизмом он неизменно выглядит отставшим в развитии близнецом, которого в состоянии поставить на ноги только самый тщательный уход» [11, с. 167].

Не в последнюю очередь опираясь на концепцию взаимного альтруизма, изначально сформулированную математиком У.Д. Гамильтоном [12], а впоследствии развитую Э. Уилсоном, К. Лоренцом, Ч. Ламсденом и др., Шмидт-Саломон указывает на полезность альтруистического поведения с точки зрения интересов социума — и, следовательно, членов этого социума. В основе альтруистического поведения, которое, так же как и эгоизм, имеет под собой биологическую природу, лежит способность к эмпатии, а на уровне физиологии — зеркальные нейроны, позволяющие индивиду ощутить себя как бы на месте другого и воспринять его интересы. Способность к эмпатии у наших предков является продуктом эволюционного выживания. Пытаясь объяснить этот механизм, Шмидт-Саломон прибегает, на наш взгляд, к чрезмерному биологизаторству, которое не подкрепляет ссылками на исследования. По его мнению, увеличение роста мозга в ходе развития гоминид может быть объяснено прежде всего тем, что обладатели более «сложных мозгов» имели преимущества перед своими менее развитыми соплеменниками вследствие большего социального интеллекта. Способность использовать различные формы социального взаимодействия, включая эмпатию³, в пределах группы дала решающее преимущество выживания. Эволюционно развитая способность к эмпатии возникла как необходимое требование, чтобы «успешно лгать, хитрить, коопери-

пишет, что эволюционная этика, будучи новым направлением биологических исследований, вторгается на «запретную территорию», где до последнего времени господствовали философы и богословы. Центральным вопросом этой новой науки является вопрос об эволюции альтруизма и кооперации (см.: [9, с. 152]).

³ Еще Д. Юм писал, что «непосредственное сочувствие другим людям оказывается неким заложенным в человеческой природе принципом» (см.: [4, с. 168]).

роваться и интриговать». В качестве побочного действия она послужила созданию альтруистических кооперативных стратегий. Шмидт-Саломон, вслед за известным современным приматологом Де-Ваалем [13], отмечает, что альтруистическое кооперативное поведение, обусловленное эгоизмом, встречается у животных, но социокультурная трансформация этого эгоизма — исключительно человеческая черта. Также он упоминает эксперименты в рамках теории игр, чтобы показать читателю, насколько кооперативное поведение более эффективно, чем эгоизм.

Развивая декларируемый принцип принятия человеческого эгоизма, Шмидт-Саломон призывает разделять гуманистическую этику Эпикура, которая неплохо вписывается в ранее изложенную линию его рассуждений. При этом автор обращает внимание на то, что пропагандируемый просвещенный гедонизм ни в коем случае не сводится к самодовольной «жизни в своем уютном мирке», т. е. и здесь важна кооперация для более гармоничной жизни в социуме. Эпикур заявлял в свое время, что для обеспечения счастья нет ничего лучше дружбы. Дружба, согласно Эпикуру, произрастает из взаимной выгоды. Люди в дружеских отношениях помогают друг другу и знают, что могут рассчитывать на помощь в будущем. Учение о дружбе Эпикура, пишет Л. А. Комарова, «носит утилитаристский характер: в основе дружбы лежит личная выгода индивида» [14].

Эгоизм, постулируемый Михаэлем Шмидтом-Саломоном, представляет разновидность так называемого психологического эгоизма, рассматривающего эгоистическое поведение как неистребимую данность, заложенную в психику человека эволюционно. Он отличается от разумного эгоизма, полагающего, что люди действуют в своих интересах из рациональных соображений и расчетов, и от этического эгоизма, постулирующего нормативную этическую позицию, согласно которой моральные агенты должны действовать в своих собственных интересах. Существует соблазн сравнить Шмидта-Саломона с Максом Штирнером — исторически первым философом, назвавшим себя эгоистом. Однако, на наш взгляд, проведение параллелей между концепциями Штирнера и Шмидта-Саломона остается спорным. Личность, по мнению Штирнера, не должна ориентироваться на общество. Согласно Штирнеру, как справедливо отмечает В. Л. Онищенко, «социальное, как всеобщее, свободно отторгается индивидом в силу его эмпирической единичности. Социальное как предикат не может стоять выше индивидуального» [15]. В отличие от Штирнера, у Шмидта-Саломона построение здорового общества является необходимым условием для гармоничной жизни индивида, поэтому эволюционные гуманисты ратуют за социальные преобразования, а не только за изменение личного мировоззрения отдельных людей. Следование принципам эпикуреизма, согласно концепции эволюционных гуманистов, в свою очередь приближает нас к «открытому обществу», способствует снижению социальных конфликтов.

Шмидт-Саломон, признавая быстротечность человеческого существования во Вселенной, не имеющей предопределенного смысла, которой «правят слепые физические законы и воспроизводство генов» [16, с. 132–133], призывает создавать смысл этого существования без опоры на религиозные традиции. Следуя здесь за Эпикуром, который определял счастье как величайшее благо в жизни, а страдание — как величайшего врага, предлагает принять тезис, что смысл жизни заключается в самой жизни. Для этого, по его мнению, нет необходимости искать «более высокий», всеохватывающий смысл, который выходит за пределы краткой жизни

человека и, таким образом, «отрицает смерть». Обращение к различным религиям, которые обещают сверхчувственный или сверхъестественный смысл, часто приводит к пренебрежению текущей жизнью. Сосредоточение на «сверхчувственном» означает отрицание чувственного, пишет Шмидт-Саломон.

Продолжая и разворачивая идею о просвещенном гуманизме, в приложении к «Манифесту» он предлагает свою альтернативу десяти библейским заповедям, как наставление человеку для счастливой жизни.

1. Не служи чужим или местным «богам», но лишь великому этическому идеалу уменьшения страдания в мире (Бог понимается Шмидтом-Саломоном в качестве «наивной конструкции мозга приматов»; он считает, что религиозные люди не всегда оказываются этическими, если понимать целью этики уменьшение человеческих страданий).
2. Будь справедлив к своему ближнему и дальнему.
3. Не бойся авторитетов, имей смелость использовать свой разум.
4. Не лги, не жульничай, не кради, не убивай, разве что не будет иного пути, чтобы достичь и защитить гуманность (Шмидт-Саломон считает, что те, кто под давлением гестапо законопослушно раскрывали местоположение евреев, вели себя крайне неэтично, в отличие от тех, кто хотел убить Гитлера, чтобы спасти миллионы жизней).
5. Не морализируй, помогай устранять те пагубные обстоятельства, от которых в наши дни страдают люди, — ты будешь удивлен, когда откроешь для себя, насколько дружелюбными, творческими и обаятельными могут быть *Homo sapiens*, подчас несправедливо называемые «дикими животными». (По мнению Шмидта-Саломона, не существует таких понятий, как «хороший» или «плохой», есть просто люди с отличающимися интересами, потребностями.)
6. Не вырабатывай в себе иммунитет к внешней критике; честная критика — это дар, который не должно отвергать.
7. Не чувствуй себя чересчур уверенным, но и ставь под вопрос свои сомнения. Даже если все, что мы знаем, ограничено и временно приходится опираться на свои убеждения. Будь восприимчив к лучшим аргументам, только так ты сможешь избежать догматизма и авторитаризма.
8. Борись со склонностью видеть вещи такими, как их привыкли видеть. Прежде чем принимать решение, рассмотри каждую точку зрения.
9. Наслаждайся своей жизнью — скорее всего, она у тебя одна.
10. Посвяти свою жизнь служению высшему благу, будь частью традиции, которая стремится сделать этот мир более прекрасным и достойным для жизни. Такое отношение не только этично, но также является лучшим способом наполнить свою жизнь смыслом.

Мы видим, что десять заповедей эволюционного гуманизма построены преимущественно в традиции этики добродетели. Из всех добродетелей Шмидт-Саломон особенно выделяет разум, однако гуманизм — это и следование таким добродетелям, как достоинство, ответственность, сострадание и др.

Эти постулаты подаются скорее как рекомендации, чем необходимые для исполнения предписания. Эволюционный гуманизм не принимает никаких абсолют-

ных и непреложных истин, авторитетов, морали. Шмидт-Саломон неоднократно подчеркивает демократический, недогматический и мирской характер своей концепции, в отличие от догматического, теистического мировоззрения. В одном из интервью он говорит: «...[главный] вопрос — открытый ли у нас подход к миру или догматический. Будучи атеистом, я [также] мог бы придерживаться догматического подхода. Недогматический теист Альберт Швейцер, вероятно, мне ближе, чем догматический атеист вроде Иосифа Сталина» [17].

Создается впечатление, что эти абстрактные «заповеди», приводимые скорее как дополнительная информация для размышления, можно игнорировать. Они в малой степени имеют отношение к этике действия, требующей целеустремленного преобразования условий бытия. Шмидт-Саломон недостаточно усилий прилагает к тому, чтобы обнаружить внутреннюю связь между стремлением человека к собственному совершенству и стремлением к общему благу. Однако он все же осуществляет попытку сформулировать собственный «категорический императив». «Категорический императив» эволюционного гуманизма явственно наследует принципу марксистского гуманизма («...ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом» [18]) в несколько видоизмененной форме: «низвергнуть все отношения, в которых человек представляется как униженное, поработанное, покинутое, одинокое существо» [2, с. 14]. Вряд ли Шмидт-Саломон рассматривает этот «императив» в кантианском смысле должностования: он не определен «божественным законом в сердце» или «звездами в небе». Скорее, такое поведение будет соответствовать принципу личного интереса, распространенного на все общество. В том числе поэтому программа эволюционного гуманизма требует сначала выявить социальные, экономические и экологические условия, при которых положительный потенциал *Homo sapiens* будет наилучшим образом раскрыт, а затем начать создавать такие условия со всей основательностью. Эволюционные гуманисты требуют, чтобы все и всякие традиции были подвергнуты критическому пересмотру с той точки зрения, насколько они способствуют созданию более гуманных условий, а насколько противодействуют этому. Здесь очевидно напрашиваются параллели с требованиями Маркса по переустройству общества — с целью эмансипации человека, в том числе гуманистической. Но если у Маркса движущей силой преобразования выступал отдельный социальный класс, подготовленный своим положением к революционной борьбе, то Шмидт-Саломон расплывчато возлагает эту задачу на сознательных эволюционных гуманистов и сочувствующих им.

Противопоставление этики и морали

Представив общую аргументацию, которую Шмидт-Саломон использует для обоснования предлагаемого им мировоззрения и общественно-культурной концепции, рассмотрим подробнее, как он постулирует этику в своей концепции и как она построена на самом деле. Говоря о морально-этических вопросах, Шмидт-Саломон подчеркивает разделение этики и морали. Мораль в ее различных ипостасях он полагает надуманным и в основном вредным конструктом, а этику — полезной, но лишь в определенных узких рамках.

Описываемая Шмидтом-Саломоном этика в эволюционном гуманизме направлена только на рассмотрение ситуаций, когда как минимум два индивида имеют конфликтующие интересы, и «взвешивает эти интересы» для нахождения честного решения, которое обе стороны могут расценить как справедливое. Таким образом, явно описываемая «этика» Шмидта-Саломона относится к утилитаристской традиции, в отличие от этики добродетели и нормативных предписаний, неявно присутствующих в «заповедях эволюционного гуманизма» и других частях концепции. Описав область действия и цель этики, Шмидт-Саломон постулирует ненужность морали как системы жестких предписаний — в ней, по его мнению, нет специфической надобности, а с проблемами конфликтологии этика справляется куда лучше.

Для раскрытия и обоснования своей концепции этики он также обращается к принципу личного интереса, который, по его мнению, является основным принципом жизни людей, условием человеческого существования, «истинным двигателем истории человечества». Шмидт-Саломон неоднократно подчеркивает консеквенциональный характер своей этики, которая озабочена исключительно благополучным разрешением конфликтов интересов и мирным сосуществованием индивидов, — и указывает эту практическую направленность как большое достоинство. Для того, чтобы предлагаемая этика не выглядела как контролируемое противостояние всех против всех, Шмидт-Саломон также апеллирует к эмпатии как другой врожденной способности человека. Он полагает, что осознание другого сторонника конфликта как равного поможет разрешать конфликты интересов продуктивно.

Опираясь на доктрину гедонизма, Шмидт-Саломон ничуть не боится совершить «натуралистическую ошибку» по Дж. Муру [19] — он не исходит из существования объективного невыразимого «добра» и поэтому предоставляет каждому самостоятельно определять это «добро» для себя.

Построение этики исходя из природного эгоизма и альтруизма человека Шмидт-Саломон полагает единственно правильным путем. На его взгляд, этика или мораль, которая не учитывает природные человеческие потребности (интересы), вообще «не может называться этикой», так как если мы неверно понимаем, какие интересы в действительности сталкиваются в том или ином конфликте, то невозможно принять решение, которое обе стороны конфликта сочли бы справедливым, — и, следовательно, такая этика не обеспечивает мирное и конструктивное сосуществование людей. Религии, по его мнению, непременно терпят неудачу в области этики, так как игнорируют реально существующие потребности человека. Вместо того чтобы справедливо взвесить интересы сторон, религиозные системы предлагают список жестких запретов и предписаний. Здесь нельзя не вспомнить утверждения Ницше о том, что мораль порочна, поскольку противодействует «инстинкту жизни».

Михаэль Шмидт-Саломон подробно критикует саму концепцию морали, понимаемую им как принципиально иной способ построения этических предписаний. С точки зрения морали, пишет он, мы оперируем постулируемыми ценностями, которые основываются на якобы метафизических критериях, скажем, «добро» и «зло». Этика, напротив, опирается на общие «правила игры», которые определены межсубъективно и постоянно уточняются. Этика основана не на священных предписаниях и не на метафизических конструкциях вроде «благородства» или

«моральности». Шмидт-Саломон отмечает, что мораль часто задается вопросом о степени ответственности человека за свои действия («мог ли человек поступить иначе?») и иногда встречается в этом вопросе непреодолимые препятствия, тогда как предлагаемая этика избегает этих коллизий, утверждая, что преступление всегда остается преступлением. Шмидт-Саломон приводит пример Гитлера, Сталина, а также деспотов прошлого. С точки зрения этики нет смысла задаваться вопросом, могли бы они не совершать злодеяний, которые совершили. Их действия неэтичны, пишет Шмидт-Саломон, поскольку вели к увеличению человеческих страданий, — следовательно, их можно и нужно осуждать.

При этом Шмидт-Саломон пишет, что в современном обществе преступник зачастую несправедливо бывает «наказан дважды» [4]. Изначально этот человек находится в более неблагоприятных условиях из-за своего культурного и социального окружения, психологических особенностей — а именно они во многом подталкивают людей к преступлению и в значительной степени определяют их действия. Затем, уже по факту правонарушения, общество повторно карает нарушителя, исходя из того, что тот действовал исключительно из своей свободной воли. Шмидт-Саломон утверждает, что для лучших результатов следует сместить внимание с наказания преступников на их социальную и психологическую реабилитацию. Наказание же необходимо ровно настолько, насколько оно служит предотвращению преступлений в будущем и, следовательно, уменьшению человеческих страданий — или же справедливому возмещению нанесенного ущерба, если это возможно. Мнение о реальной ограниченности «свободы воли» и влиянии окружения на совершение преступлений и аморальных поступков, конечно же, не является изобретением Шмидта-Саломона — здесь он подхватывает идею Ханны Арент о «банальности зла», которую она выдвинула в своем репортаже о процессе над Эйхманом [19].

Другое важное различие между моралью и этикой, по мнению Шмидта-Саломона, касается соответствующих областей применения. Из определения этики, например, следует, что невозможно вести себя «неэтично» по отношению к самому себе (поскольку есть лишь одна сторона, никто ни с кем не конфликтует). Мораль, в частности, утверждает, что можно поступать безнравственно по отношению к себе. Шмидт-Саломон обращает особое внимание на то, что различие между моралью и этикой имеет далеко идущие последствия в отношении права человека на самоопределение. Для иллюстрации своей мысли он приводит пример из области сексуального поведения. С этической точки зрения (критерий суждения: справедливо/несправедливо) совершенно неважно, состоит ли человек в гомосексуальных отношениях (если они консенсуальны); но с моральной (критерий суждения: хорошо/плохо) подобные связи возможно характеризовать как «отвратительные» и утверждать, что они должны быть разорваны. Это — пример абсурдных и деструктивных запретов, которые могут быть навязаны моралью, пишет автор, и потом эволюционные гуманисты в своей этике могут «игнорировать любые соображения морали», делая акцент на личном интересе, который определяет успешное социальное сотрудничество.

Тезисы Шмидта-Саломона следует четко отделять от современного понимания культурного релятивизма и плюрализма — *anything goes*, как его описывает он сам. Автор «Манифеста эволюционного гуманизма» уверен, что нашел объективно луч-

ший способ построения человеческих и социальных взаимоотношений. Шмидт-Саломон, в частности, критикует европейскую политику мультикультурализма за то, что она одобряет и поощряет «дремучие предубеждения», скажем, исламских иммигрантов, исходя из уникальности культуры, которой эти убеждения порождены.

Распространение этики на животных

Как уже было показано выше, этика эволюционного гуманизма не опирается ни на «священные ценности», ни на метафизические. Ее отправной точкой является рассмотрение интересов индивидов, вовлеченных в конфликт. Однако не только люди, но и животные, снабженные центральной нервной системой, обладают своими «интересами», поэтому, по мнению Шмидта-Саломона, нет рационального основания их игнорировать. Подобные идеи высказывает в своих работах немецкий философ Норберт Хорстер [20], который, кроме того, состоит в Попечительском совете Фонда Джордано Бруно. Его идеи, вероятно, могли повлиять на концепцию Шмидта-Саломона. Шмидт-Саломон развенчивает «священный миф» о божественно определенном особом положении человека. Своё отношение к животным он выражает в такой форме: «Причиняй другим формам жизни лишь столько страдания, сколько абсолютно необходимо для поддержания своего существования» [2, с. 75]. Он обращает внимание, что такой подход разительно отличается от библейских наставлений «подчинить себе Землю», которым, по его мнению, и сейчас «совершенно бесстыдно» следуют, в особенности представители культур авраамических религий⁴. В качестве иллюстрации к этому тезису Шмидт-Саломон приводит красноречивое высказывание протестантского теолога-гуманиста Альберта Швейцера, который некогда едко высказался о христианском отношении к животным: «христианство изгнало животных из этики, словно домохозяйка собаку из недавно вымытой кухни» [2, с. 76]. Несмотря на признание за животными прав, Шмидт-Саломон все-таки избегает радикального антиспесишизма. Он считает, что люди должны иметь этические преимущества перед животными, поскольку они, по крайней мере в большинстве своем, имеют «личность». Соглашаясь в этом с Питером Сингером, он считает, что не во всех случаях человек обладает свойствами личности. В отличие от эмбрионов, которые не наделены никаким пониманием себя, развитой человек осознает свое существование, и не только в настоящем, но и в воспоминаниях прошлого, и имеет образ потребного будущего. Шмидт-Саломон считает, что именно благодаря этому люди имеют истинный сознательный «интерес к выживанию», в отличие от инстинктов самосохранения или моментальной, специфической воли к жизни, проявляемой животными. Даже одно это обстоятельство, по его мнению, позволяет говорить, что, скажем, страдания умирающего от рака человека «веса» больше, чем страдания умирающей от рака лабораторной мыши. Таким образом, Шмидт-Саломон призывает к более ответственному отношению к животным, воспитанию сочувствия к ним, в силу того что животные, как

⁴ Согласно австралийскому философу Питеру Сингеру, эта «доминирующая западная традиция» предполагает, что «мир природы существует для блага человека. Бог дал человеку власть над миром природы, и Богу все равно, как мы относимся к нему... сам по себе, он не имеет внутренней ценности» (см.: [21]).

и люди, испытывают различные эмоции: радость, удовольствие, боль, ненависть, любовь и др., на что указывают современные исследования нейробиологов, этологов и эволюционистов.

Критика иных концепций

Вероятно, чтобы изъяны концепции эволюционного гуманизма не столь бросались читателям в глаза, Шмидт-Саломон активно сравнивает ее с «конкурирующими» мировоззрениями, преимущественно религиозного толка. Поэтому, изложив этические предписания эволюционного гуманизма, он переходит к критике десяти библейских заповедей, которую, на наш взгляд, вряд ли можно назвать оригинальной. Она поверхностна и декларативна, и в истории свободомыслия встречаются множество примеров гораздо более основательной критики, подкрепленной серьезной аргументацией и знанием философии религии. Однако следует отметить, что «Манифест эволюционного гуманизма», где Шмидт-Саломон впервые комплексно изложил свою концепцию, увидел свет за год до публикации знаменитой книги Р. Докинза «Бог как иллюзия» и за два года до ее перевода на немецкий, поэтому нельзя говорить о том, что Шмидт-Саломон заимствует большинство своих критических идей о религии у Докинза.

Шмидт-Саломон сетует на то, что для многих людей заповеди все еще являются важными этическими ориентирами, несмотря на «бесчеловечность», содержащуюся в них. Причину этого он видит в невежестве и недостатке образования. Разбирая некоторые известные христианские тексты, он указывает на явную бесчеловечность, неэтичность и негуманность их положений. Находит примеры призывов к войне, убийству и порабощению в Ветхом завете, Новом завете и т. д. Про Откровение Святого Иоанна пишет: «Мало есть текстов в мировой литературе, которые могут сравниться с этим безудержным садизмом. Литературные изыски маркиза де Сада по сравнению с ним покажутся сказками на ночь» [2, с. 34]. Шмидт-Саломон говорит, что подобную критику можно сформировать в равной степени и для других религий, не обязательно даже монотеистических. Кратко формулирует претензии: индуизм — поддержка кастового общества, буддизм — также поддержка социального подавления. Истоки подобной проблематики, согласно Шмидту-Саломону, не сводятся к чертам, свойственным какой-либо конкретной религии, но, скорее, обнаруживаются в самом по себе религиозном подходе к миру. Ни один из религиозных текстов, пишет он, даже близко не подходит к тому, чтобы отстаивать самый минимальный набор прав и свобод человека, признаваемых в цивилизованном обществе. Сам бог авраамических религий, судя по его описываемому поведению, пишет он, никак не годится в моральные авторитеты для современности, ибо творит колоссальные злодеяния против людей. Крестовые походы, преследование еретиков и сожжение ведьм, по мнению Шмидта-Саломона, стоит рассматривать как следствие опоры на религиозные предписания. Он опасается, что ностальгия европейских политиков по утрате всеобщих христианских ценностей может привести к катастрофическим результатам, возврату к Средневековью со всеми вытекающими последствиями. Также он указывает на частую ошибку политиков, которые считают, что христианские ценности равнозначны ценностям эпохи Просвещения и, соответственно, лежат в основе идеологии «открытого об-

щества». Исторически бесспорным фактом, по его мнению, является то, что права человека, которые находятся в основании «открытого общества», ни в коем случае не выводятся из религии, а возникли в результате длительной борьбы против нее.

Только с началом эпохи Просвещения, пишет Шмидт-Саломон, стала возможной идея прав человека. Для подтверждения своей мысли он приводит различные исторические свидетельства. Например, упоминает Томаса Пейна, который был отчаянным критиком религии, он не только боролся против рабства, но и составил одну из первых современных формулировок прав человека. По мнению Шмидта-Саломона, связь между отстаиванием прав человека и критикой религии не была совпадением, так как наиболее ревностными критиками прав человека были выходцы из религиозного лагеря. Опираясь на Священные тексты, в частности на Первое послание к Коринфянам апостола Павла (7: 22)⁵, христиане настаивали на законности рабства. На его взгляд, не только рабство в европейской истории оправдывалось христианской этикой. Шмидт-Саломон, соглашаясь во многом с известным немецким критиком церкви Карлхайнцем Дешнером [22], указывает на влияние христианства на идеологию национал-социализма. Традиционный христианский антисемитизм, по мнению Шмидта-Саломона, подхваченный национал-социалистами, отлично лег на немецкую почву. Ритуальный характер истребления евреев имел под собой христианскую веру в искупительную жертву. Холокост понимался как самая большая человеческая жертва за всю историю человечества, а Гитлер — как божественный инструмент, который посредством этой жертвы осуществит спасение мира. Надо сказать, что эта тема весьма обсуждаема на Западе, в отечественной научной литературе она нашла отражение в книгах М. В. Шкаровского [23; 24], Л. Н. Бровко [25].

Анализ и критика этической составляющей эволюционного гуманизма

На наш взгляд, этическая составляющая концепции эволюционного гуманизма несколько сложнее, чем ее представляет сам Шмидт-Саломон. Кроме явно декларируемой утилитаристской этики, занимающейся «справедливым» разрешением конфликтов интересов между различными агентами, концепция эволюционного гуманизма включает в себя и вполне деонтологические утверждения, и развернутую этику добродетели. Автор утверждает, что все они гармонично вытекают из категорического императива эволюционного гуманизма и признаваемой им картины человека как эгоистического существа. Однако, по нашему мнению, сочетаемость отдельных частей концепции спорна. Скажем, «заповеди» 5–7 предписывают вести жизнь, наполненную активным стремлением к познанию, самокритикой и постоянным саморазвитием. При этом этика, которая якобы ограничивается ситуациями конфликта интересов, вполне допускает праздную жизнь без постоянных сомнений в себе и попыток превзойти свои прежние достижения — тем более что подобный отказ от постоянного рвения, по многочисленным исследованиям психологов, положительно сказывается на самоощущении и психической устойчивости человека.

⁵ Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. (1 Кор. 7: 22).

К описанной Михаэлем Шмидтом-Саломоном формулировке этики применимо большинство классических претензий к утилитаристским концепциям этики. Из сочинений автора остается неясным, как именно необходимо строить «справедливое» разрешение конфликтов между индивидуумами, — очевидно, что конкретизации интересов каждой из сторон для этого недостаточно. Критерий желаемого «приращения пользы» в виде продвижения категорического императива эволюционного гуманизма чрезвычайно расплывчат, аналогично критериям, предложенным, скажем, Бентамом. Критики из числа немецких гуманистов справедливо указывают, что описываемая этика вседозволительна — отрицая разделение на «хорошее» и «плохое», она не предлагает альтернативных практически применимых норм и предписаний [25; 27]. Еще одним слабым местом является тот факт, что Шмидт-Саломон, обосновывая свою этическую концепцию, порой пренебрегает философской аргументацией. Его идеям присуща сильная ориентация на результаты современных биологических наук, в чем он сам признается в своих работах.

Заключение

Итак, мы рассмотрели этическую составляющую концепции эволюционного гуманизма, представленной и развиваемой современным немецким философом и общественным деятелем Михаэлем Шмидтом-Саломоном. Опираясь на положение об эгоизме, «личном интересе», как основной движущей и направляющей силе человеческой деятельности, Шмидт-Саломон отстаивает идею неестественности и вредности морали. Место морали должна занять этика, чьей целью является исключительно конструктивное разрешение конфликтов интересов между индивидуумами. При этом Шмидт-Саломон не приводит практически выполнимых рекомендаций о том, как проводить это конструктивное разрешение, ограничиваясь общими указаниями о том, что решение должно быть «справедливым» относительно всех участвующих в конфликте индивидов и направленным на уменьшение «суммы страданий» в мире.

Наряду с этой утилитаристской концепцией этики эволюционный гуманизм Шмидта-Саломона включает в себя положения, сформулированные в виде этики добродетели, а также ряд вполне деонтологических ценностей, в том числе права человека. Дополняют концепцию эволюционного гуманизма утверждения о деструктивности идей абсолютного добра и зла, а также о несправедливости и опять же деструктивности идеи об абсолютной «свободной воле» каждого человека.

Несмотря на радикализм и своеобразность подхода философа, на наш взгляд, этическая часть является не самой сильной стороной концепции эволюционного гуманизма. Предлагаемая система человеческих отношений и ценностей, хотя и направлена на построение гармоничного общества, вряд ли может быть действительно воплощена в реальности. При этом часть сочинений автора, представляющая собой деконструкцию и критику иных морально-этических концепций, стоит отметить за радикальность и обширность аргументации.

Литература

1. Коростиченко, Е. И. (2018), Эволюционный гуманизм и религия в интерпретации Михаэля Шмидта-Саломона, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение, № 79, с. 56–73.
2. Schmidt-Salomon, M. (2006), *Manifest des evolutionären Humanismus: Plädoyer für eine zeitgemäße Leitkultur*, Aschaffenburg: Alibri-Verl.
3. Schmidt-Salomon, M. (2017), *Hoffnung Mensch: eine bessere Welt ist möglich*, München: Piper.
4. Schmidt-Salomon, M. (2009), *Jenseits von Gut und Böse: warum wir ohne Moral die besseren Menschen sind*. München: Pendo.
5. Schmidt-Salomon, M. (2016), *Die Grenzen der Toleranz: warum wir die offene Gesellschaft verteidigen müssen*. München: Piper.
6. Schmidt-Salomon, M. (2019), *Erkenntnis aus Engagement: Grundlegungen zu einer Theorie der Neomodern: eine Studie zur (Re-) Konstruktion von Pädagogik, Wissenschaft und Humanismus*. Aschaffenburg: Alibri Verlag.
7. Schmidt-Salomon, M. (2020), *Entspannt euch! Eine Philosophie der Gelassenheit*. München: Piper.
8. Лаверычева, И. Г. (2016), Альтруизм и эгоизм с естественнонаучной точки зрения, *Биосфера*, т. 8 (3), с. 338–361.
9. Марков, А. В. (2010), Эволюционные корни этики: от бактерий до человека, *Историческая психология и социология истории*, т. 3 (2), с. 152–183.
10. Шахнович, М. М. (2010), Эпикуреизм в европейской философии XV–XVII вв., *Серия «Мыслители», История философии, культура и мировоззрение, вып. 3: К 60-летию профессора А. С. Колесникова*, СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/shahnovich-mm/epikureizm-v-evropeyskoj-filosofii-xv-xvii-vv> (дата обращения: 04.03.2021).
11. Швейцер, А. (1973), *Культура и этика*, пер. Захарченко, Н. А. и Колшанский, Г. В., М.: Прогресс.
12. Hamilton, W. D. (1964), The genetical evolution of social behaviour. II, *Journal of Theoretical Biology*, vol. 7 (1), p. 17–52.
13. Де Вааль, Ф. В. М. (2014), *Истоки морали. В поисках человеческого у приматов*, СПб.: Альпина нон-фикшн.
14. Комарова, Л. А. (2012), Пути достижения истинного счастья в философском учении Эпикура, *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 146, с. 47–52.
15. Ковелина, Т. А. и др. (2012), Эгоизм как принцип жизненной ориентации в контексте этических концепций М. Штирнера и И. Бенгтама (историко-философский аспект), *Общество и право*, 2012, т. 4, № 41, с. 309–311.
16. Dawkins, R. (1996), *River out of Eden: a Darwinian view of life*, New York: BasicBooks.
17. TIDE TV Hamburg, (2019), „Der Neue Atheismus“ Ein Streitgespräch [видеозапись дебатов М. Шмидта-Саломона и В. Цагера]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VcMz905eyb8> (дата обращения: 01.04.2021).
18. Маркс, К. (1955), К критике Гегелевской философии права, *Маркс К., Энгельс Ф, Сочинения*, т. 1, М.: Государственное издательство политической литературы, с. 414–415.
19. Арндт, Х. (2008), *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*, М.: Европа.
20. Hoerster, N. (2003), *Ethik und Interesse*, Stuttgart: Reclam.
21. Singer, P. (1993), *Practical ethics*, 2nd ed., New York: Cambridge University Press.
22. Дешнер, К. (2015), *С богом и фашистами*, пер. Мокрушина, Е., М.: Художественная литература.
23. Шкаровский, М. В. (2016), *Холокост и православная церковь*, М.: Вече.
24. Шкаровский, М. В. (2007), *Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь*, М.: Вече.
25. Бровко, Л. Н. (2009), *Церковь и Третий рейх*, СПб.: Алетейя.
26. Fink, H., Kahl, J. and Schmidt-Salomon, M. (eds.) (2007), *Was heißt Humanismus heute? ein Streitgespräch zwischen Joachim Kahl und Michael Schmidt-Salomon*, Aschaffenburg: Alibri-Verl.
27. Ebersberg, T. (2016), *Kritik des Manifests des evolutionären Humanismus. Brief an Michael Schmidt-Salomon*. Books On Demand.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2021 г.;
рекомендована к печати 17 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Коростиченко Екатерина Игоревна — канд. филос. наук, науч. сотр.; ek.korostichenko@gmail.ru

Ethics outside of morals: Modern German humanism*

E. I. Korostichenko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Korostichenko E. I. Ethics outside of morals: Modern German humanism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 4, pp. 607–622. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.403> (In Russian)

The article reviews the ethics of evolutionary humanism, as expressed in the works of the modern German philosopher and critic of religion Michael Schmidt-Salomon. Drawing on the modern results of biological sciences, he provides his own interpretation of the socio-biological meaning of altruism and egoism as foundations of human ethics. Appealing to philosophical tradition, he finds support in the views of Epicurus who considered egoism and altruism as being connected within human nature, and saw altruistic acts as rooted in egoism. As a part of his concept of evolutionary humanism, Schmidt-Salomon presents an alternative to the biblical Ten Commandments in the form of recommendations “for a happy human life”. His theory also includes a kind of “categorical imperative”, which strongly resembles the Marxist formulation of humanism: “destroy all relationships in which the human being poses as a humiliated, enslaved, abandoned and solitary being”. Special attention is paid to the author’s approach to the separation of morality and ethics. The declared ethics of evolutionary humanism is not based on any norms of behavior, it considers only the cases when the interests of two or more individuals conflict and aims at a “fair” resolution of such conflicts. Schmidt-Salomon postulates the uselessness of morality in the presence of such constructed ethics. Some consequences of this are the human right for self-determination, and similar rights granted to animals. Schmidt-Salomon’s criticism of religious ethics is also reviewed. The ethics of evolutionary humanism are found to be somewhat contradictory. In addition to narrow-defined ethics limited to conflicts of interest, the theory actually includes both deontological statements and extensive virtue-based ethics.

Keywords: atheism, humanism, evolutionary humanism, Michael Schmidt-Salomon, Epicurus, ethics, morality, evolutionary ethics, altruism, egoism.

References

1. Korostichenko, E. I. (2018), Evolutionary humanism and religion as interpreted by Michael Schmidt-Salomon, *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, no. 79, pp. 56–73. (In Russian)
2. Schmidt-Salomon, M. (2006), *Manifest des evolutionären Humanismus: Plädoyer für eine zeitgemäße Leitkultur*, Aschaffenburg: Alibri-Verl.
3. Schmidt-Salomon, M. (2017), *Hoffnung Mensch: eine bessere Welt ist möglich*, München: Piper.
4. Schmidt-Salomon, M. (2009), *Jenseits von Gut und Böse: warum wir ohne Moral die besseren Menschen sind*, München: Pendo.

* The study was funded by a grant supported by the Ministry of Education and Science in conjunction with the Council on Grants of the President of the Russian Federation for State Support of Young Russian Scientists (МК-4357.2021.2, “Towards Dialogue: Discussions about Religion and the Church in a Secular Public Space”), 2021–2023.

5. Schmidt-Salomon, M. (2016), *Die Grenzen der Toleranz: warum wir die offene Gesellschaft verteidigen müssen*, München: Piper.
6. Schmidt-Salomon, M. (2019), *Erkenntnis aus Engagement: Grundlegungen zu einer Theorie der Neomodern: eine Studie zur (Re-) Konstruktion von Pädagogik, Wissenschaft und Humanismus*, Aschaffenburg: Alibri Verlag.
7. Schmidt-Salomon, M. (2020), *Entspannt euch! Eine Philosophie der Gelassenheit*, München: Piper.
8. Laverycheva, I. G. (2016), Altruism and egoism as viewed by natural sciences, *Biosfera*, vol. 8, (3), pp. 338–361. (In Russian)
9. Markov, A. V. (2010), Evolutionary roots of ethics: from bacteria to humans, *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii*, vol. 3, no. 2, pp. 152–183. (In Russian)
10. Shakhnovich, M. M. (2000), Epicureanism in European philosophy of XV–XVII cc., *Ser. Mysliteli, Istoriia filosofii, kul'tura i mirovozzrenie, iss. 3: K 60-letiiu professora A. S. Kolesnikova*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/shahnovich-mm/epikureizm-v-evropeyskoy-filosofii-xv-xvii-vv> (accessed: 04.03.2021). (In Russian)
11. Schweitzer, A. (1973), *Culture and Ethics*, trans. by Zaharchenko, N. A. and Kolshanskij, G. V., Moscow: Progress Publ. (In Russian)
12. Hamilton, W. D. (1964), The genetical evolution of social behaviour, II, *Journal of Theoretical Biology*, vol. 7, no. 1, pp. 17–52.
13. De Waal, F. V. M. (2014), *The Bonobo and the Atheist: In Search of Humanism Among the Primates*, Moscow: Al'pina non-fikshn Publ. (In Russian)
14. Komarova, L. A. (2012), Ways of attaining happiness in philosophical teachings of Epicurus, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 146, pp. 47–52. (In Russian)
15. Kovelina, T. A. et al. (2012), Egoism as a principle of life orientation in the context of the ethical concepts of M. Stirner and J. Bentham (historical and philosophical aspects), *Obshhestvo i pravo*, 2012, vol. 4, no. 41, pp. 309–311. (In Russian)
16. Dawkins, R. (1996), *River out of Eden: A Darwinian view of life*, New York: Basic Books.
17. TIDE TV Hamburg, (2019) "Der Neue Atheismus" Ein Streitgespräch [a recording of debates between M. Schmidt-Salomon and W. Zager]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=VcMz905eyb8> (accessed: 01.04.2021).
18. Marx, K. (1955), Critique of Hegel's Philosophy of Right, *Marks K., Engels F., Sochineniia*, vol. 1, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., pp. 414–415 (In Russian)
19. Arendt, H. (2008), *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
20. Hoerster, N. (2003), *Ethik und Interesse*, Stuttgart: Reclam.
21. Singer, P. (1993), *Practical ethics*, 2nd ed., New York: Cambridge University Press.
22. Deschner, K. (2015), *With God and fascists*, trans. by Mokrushina, E., Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)
23. Shkarovskij, M. V. (2016), *The Holocaust and the Orthodox Church*, Moscow: Veche Publ. (In Russian)
24. Shkarovskij, M. V. (2007), *The cross and the swastika. The Nazi Germany and the Orthodox Church*, Moscow: Veche Publ.
25. Brovko, L. N. (2009), *The church and the Third Reich*, St. Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
26. Fink, H., Kahl, J. and Schmidt-Salomon, M. (eds.) (2007), *Was heißt Humanismus heute? ein Streitgespräch zwischen Joachim Kahl und Michael Schmidt-Salomon*, Aschaffenburg: Alibri-Verl.
27. Ebersberg, T. (2016), *Kritik des Manifests des evolutionären Humanismus. Brief an Michael Schmidt-Salomon*, Books On Demand.

Received: April 12, 2021

Accepted: September 17, 2021

Author's information:

Ekaterina I. Korostichenko — PhD in Philosophy, Researcher; ek.korostichenko@gmail.ru